

Николай Гоголь

ГЛАВНЫЕ КНИГИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Петербургские повести

*Повести на грани реализма и фантастики,
где вместе с «маленьким человеком» героем выступает
мистический, иногда злоеущий Петербург.*

альпина
ПРОЗА

ПОЛКА

Главные книги русской литературы (Альпина)

Николай Гоголь
Петербургские повести

«Альпина Диджитал»

1842

Гоголь Н. В.

Петербургские повести / Н. В. Гоголь — «Альпина Диджитал»,
1842 — (Главные книги русской литературы (Альпина))

ISBN 978-5-96-149385-6

Повести на грани реализма и фантастики, где вместе с «маленьким человеком» героем выступает мистический, иногда зловещий Петербург. Уже и полночь давно минула, колокол башни бил половину первого, а он сидел неподвижный, без сна, без деятельного бдения. Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько одолевать его, уже комната начала исчезать, один только огонь свечи просвечивал сквозь одолевавшие его грезы, как вдруг стук у дверей заставил его вздрогнуть и очнуться. О серии «Главные книги русской литературы» – совместная серия издательства «Альпина. Проза» и интернет-проекта «Полка». Произведения, которые в ней выходят, выбраны современными писателями, критиками, литературоведами, преподавателями. Это и попытка определить, как выглядит сегодня русский литературный канон, и новый взгляд на известные произведения: каждую книгу сопровождает предисловие авторов «Полки». Особенности Авторы вступительных статей – Валерий Шубинский, Игорь Пильщиков, Александр Марков, Денис Ларионов.

ISBN 978-5-96-149385-6

© Гоголь Н. В., 1842

© Альпина Диджитал, 1842

Содержание

Невский проспект	9
Конец ознакомительного фрагмента.	30
Комментарии	

Николай Гоголь

Петербургские повести

Текст печатается по изданию: Гоголь Н. В. Петербургские повести. – СПб.: Наука, 1995.

Главный редактор: *Сергей Турко*

Руководитель проекта: *Елена Кунина*

Корректоры: *Мария Прянишникова-Перепелюк, Татьяна Редькина*

Компьютерная верстка: *Максим Поташкин*

Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Шубинский В., Пильщиков И., Марков А., Ларионов Д., предисловие, 2022

© ООО «Альпина Пабlishер», 2024

* * *

Николай Гоголь
Петербургские повести

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2024

Жан Жерень. Портрет Николая Гоголя.
Конец 1830-х годов. © Legion-Media.

Невский проспект **Предисловие «Полки»**

Повесть Гоголя, в которой романтические приключения заканчиваются одновременно трагедией и фарсом. Невский проспект становится символом и центром петербургской жизни, а сам Петербург – призрачным городом, в котором все не то, чем кажется.

Валерий Шубинский

О ЧЕМ ЭТА ПОВЕСТЬ?

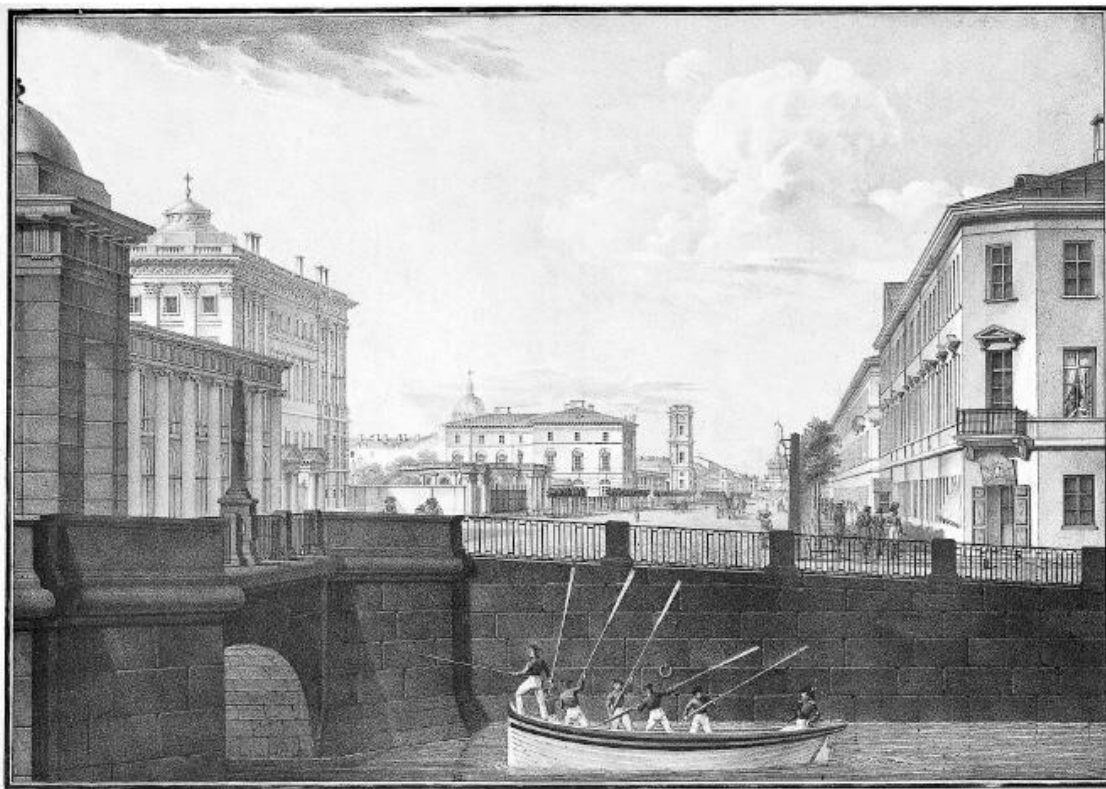
«Невский проспект» – короткая повесть о двух приятелях-петербуржцах и об их романтических увлечениях и любовных похождениях, которые заканчиваются в одном случае трагически, в другом – гротескно-комически. Герои – романтически настроенный художник Пискарёв и jovиальный поручик Пирогов – воплощают два типа петербуржца: экзальтированного романтика и приземленного обывателя, но оба они – игрушки столичной жизни, с ее иллюзорностью и непредсказуемостью.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Первые черновики повести относятся к 1831 году. Полная черновая редакция была готова в 1834 году, окончание работы над повестью исследователи датируют маем–августом того же года. Цензурное разрешение сборника «Арабески», в котором напечатана повесть, было выдано 10 ноября 1834 года. Гоголь в это время жил в Петербурге и одновременно работал над другими петербургскими повестями – «Носом» и «Записками сумасшедшего».

КАК ОНА НАПИСАНА?

Повесть начинается с описания Невского проспекта в разное время суток. Завершается этот фрагмент сценой вечернего гуляния на главной городской улице. Это позволяет создать своего рода панораму столичной жизни, причем весьма парадоксальную по приемам. Как указывает Юрий Тынянов, «Невский проспект» основан на эффекте полного отождествления костюмов и их частей с частями тел гуляющих: «“Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой – греческой прекрасный нос... четвертая (несет. – Ю. Т.) пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку” и т. д. Здесь комизм достигнут перечислением подряд, с одинаковой интонацией, предметов, не вяжущихся друг с другом»^[1].

Вид Фонтанки у Аничкова моста. Гравюра Александра Тона. 1820-е годы¹

Именно в этот момент появляются два главных героя. Обратив внимание на двух разных молодых женщин (Пискарёв – на брюнетку, Пирогов – на блондинку), они разлучаются друг с другом и устремляются за понравившимися им дамами. Романтичного Пискарёва дорога приводит в бордель: женщина, принятая им за аристократку, оказывается проституткой. В ужасе убежав из «обители разврата», он погружается в болезненные грезы. В одном из снов девушка в самом деле оказывается аристократкой, а ее пребывание в публичном доме имеет некое таинственное объяснение; в другом сне (который он видит под воздействием опиума) она предстает ему «у окна деревенского светлого домика».

При этом стиль повествования все время меняется. От нравоописательной «болтовни» (пародирующей стилистику проправительственной «Северной пчелы» и охранительской «Библиотеки для чтения») Гоголь переходит к столь же иронической патетике, а затем – к колоритным бытовым деталям. Вот, например, реплика торгующего опиумом «персиянина», к которому художник обратился за товаром: «Хорошо, я дам тебе опиуму, только нарисуй мне красавицу. Чтоб хорошая была красавица! чтобы брови были черные и очи большие, как маслины; а я сама чтобы лежала возле нее и курила трубку! слышишь? чтобы хорошая была! чтобы была красавица!»

Кульминация действия – вторичный приход Пискарёва в публичный дом, предложение руки и сердца, сделанное им «аристократке», ее отказ и его самоубийство. Затем автор переходит к гротескной и вульгарной истории ухаживаний Пирогова за женой жестянщика Шиллера.

Финал повести – вновь мотив Невского проспекта. Последний абзац проникнут одновременно пафосом и иронией; Невский предстает волшебным, заколдованным местом, где всякая видимость обманчива:

¹ Вид Фонтанки у Аничкова моста. Гравюра Александра Тона. 1820-е годы. Государственный Эрмитаж.

О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Все обман, все мечта, все не то, чем кажется! <...> Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде.

Однако, в отличие от других повестей Гоголя, «демонизм» Невского и вообще Петербурга в этой повести раскрывается не через фантастику. Происшествия, случившиеся с героями, вполне реальны и почти будничны.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Как и вообще на «Петербургские повести» Гоголя, на «Невский проспект» повлияли произведения Гофмана. С другой стороны, отмечают влияние на Гоголя французского писателя Жюль Жанена (прежде всего романа «Мертвый осел и гильотинированная женщина», 1829) и сборника «Париж, или Книга ста одного» (1832) – книг, очень популярных у образованной русской публики. С гоголевской повестью эти тексты сближает тема любви к «падшей» женщине и в то же время описание каждодневной жизни города (Парижа), в которой будничное сливается с фантастическим. Описание опиумных грез Пискаревца может отсылать к «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» Де Квинси (1821; в русском переводе, изданном в 1834-м, ошибочно приписана Мэтьюрину).

Вслед за Жаненом и Поль де Коком Гоголь в «Невском проспекте» использует элементы зародившегося во французской романтической литературе жанра физиологического очерка (описание Невского, петербургских художников и офицеров), но они инкорпорированы в связанное сюжетное повествование. Сам мотив непредсказуемости и загадочности, присущей Петербургу, делает нравоописательные свидетельства условными и в каком-то смысле недостоверными. Тем не менее «Невский проспект» больше, чем другие произведения Гоголя, повлиял на вышедший в 1845-м сборник «Физиология Петербурга».

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Первая публикация – в книге Гоголя «Арабески» (1835). Здесь же были напечатаны повести «Портрет» и «Записки сумасшедшего», отрывок из неоконченного романа «Гетьман» и несколько исторических, критических и педагогических статей. Вторая прижизненная публикация «Невского проспекта» состоялась в 1842 году в третьем томе собрания сочинений Гоголя.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

До публикации Гоголь показывал повесть Пушкину – тот написал в ответ, что «прочел с удовольствием», и высказывал надежду, что повесть пропустит цензура.

Виссарион Белинский в статье «О русской повести и о повестях г. Гоголя» не без иронии отметил образ Пирогова: «Пирогов!.. Святители! да это целая каста, целый народ, целая нация! О, единственный, несравненный Пирогов, тип из типов, первообраз из первообразов! Ты мно-

гообъемлющее, чем Шайлок², многозначительнее, чем Фауст! «...» Это символ, мистический миф, это, наконец, кафтан, который так чудно скроен, что придет по плечам тысячи человек»^[2]. Барон Брамбеус (Осип Сенковский), резко критически оценивший «Арабески», с похвалой отзывается о «Невском проспекте»: «Очень забавна история одного немецкого носа, спасенного от неминуемой гибели поручиком Пироговым»^[3].

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

О «Невском проспекте» писали несколько меньше, чем о других петербургских повестях. Тем не менее к образу поручика Пирогова обращается Федор Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 год. С точки зрения Достоевского, поручик Пирогов «был страшным пророчеством, пророчеством гения, так ужасно угадавшего будущее, ибо Пироговых оказалось безмерно много». Для Достоевского Пирогов воплощает такую важную для него категорию, как «бесстыдство».

Авторов XX века (Василия Зеньковского, Константина Мочульского) скорее занимает фигура художника Пискарёва – в традиционном романтическом контексте (конфликт мечты и реальности). Мочульский отмечает: «В нашей “ужасной жизни” сама красота, эта небесная гостя, находится во власти злых сил; обреченная на гибель, она губит всех, кто к ней приближается; на такую действительность Пискарёв не согласился: сначала он пытался уйти от нее в сны, потом в видения, порожденные опиумом; но бегство не спасло его».

КАКОВО МЕСТО ПОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ?

«Невский проспект» входит в число так называемых петербургских повестей, в которых Петербург предстает, с одной стороны, городом «маленьких людей», главным образом мелких чиновников, живущих неустроенной, убогой и прозаичной жизнью, с другой – городом «призрачным», фантастическим, в котором все пропорции искажены. При этом в «Невском проспекте» фантастический элемент в чистом виде отсутствует (в отличие от «Записок сумасшедшего», «Шинели», «Портрета»), а оба героя не чиновники.

Отдельные мотивы перекликаются с другими повестями. Так, зловещий ростовщик-персиянин из «Портрета» рифмуется с комическим (но тоже зловещим) персиянином из «Невского проспекта», дающим Пискарёву опиум. При этом оба героя (Пискарёв и Чертков) – нищие художники, которые становятся жертвами мании (в одном случае – любовной, в другом – связанной с успехом и деньгами). С «Носом» соотносится сцена, где Шиллер просит Гофмана отрезать ему нос. В двух повестях («Невский проспект» и «Записки сумасшедшего») присутствует мотив несчастной любви, которая в обоих случаях оказывается неуместной, нелепой и навлекает на героев несчастье.

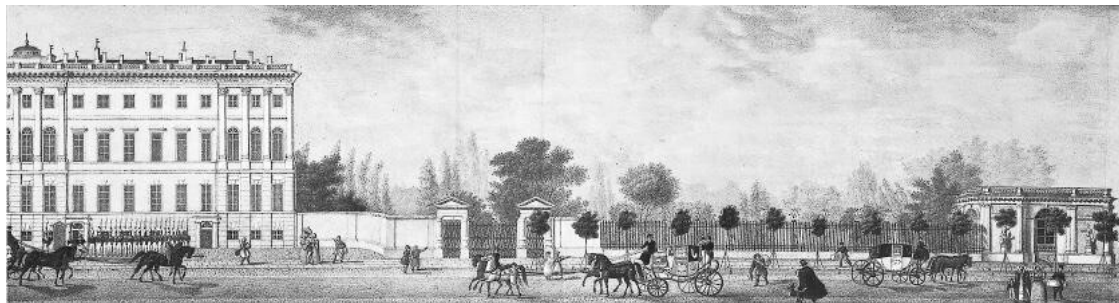
Таким образом, повесть занимает органичное место внутри внешне не обозначенного, но фактически сложившегося цикла, вступая в сложные интертекстуальные взаимоотношения с другими произведениями.

КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЛ НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ В ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГА 1830-Х И КАК ЭТО ОТРАЗИЛОСЬ В КУЛЬТУРЕ?

Невский проспект, первоначально проложенный как Большая Перспективная дорога между городом и Александро-Невским монастырем (позднее лаврой), стал центральной город-

² Шейлок – один из главных персонажей шекспировской пьесы «Венецианский купец».

ской магистралью после принятия нового генерального плана в 1737 году и активно застраивался во второй половине XVIII и начале XIX века. Застройка (запечатленная на «Панораме Невского проспекта» Василия Садовникова) носила строгий ампи́рный характер и в значительной части не сохранилась.

Иван Иванов с рисунка Василия Садовникова. Аничков дворец. Из серии «Панорама Невского проспекта». 1830 год³

Именно в начале XIX века Невский стал популярным местом прогулок. Например, его отрезок от Фонтанки до Дворцовой площади входил в маршрут ежедневной полудневной прогулки Александра I, за которым считали за честь следовать столичные франты. У Гоголя – другая эпоха, у нового царя нет привычки гулять в полдень без охраны, и местом престижных гуляний Невский становится только по вечерам.

В то же время Невский был главным местом уличной проституции (очень длительное время – вплоть до последних десятилетий, когда зона покупной любви сдвинулась к Московскому вокзалу и на Старо-Невский).

Повесть Гоголя породила литературную традицию восприятия Невского как главной оси петербургской жизни, ее символа и средоточия. Вот, например, иронический пассаж из предисловия к «Петербургу» Андрея Белого:

...Прспект обладает разительным свойством: он состоит из пространства для циркуляции публики; нумерованные дома ограничивают его; нумерация идет в порядке домов – и поиски нужного дома весьма облегчаются. Невский Прспект, как и всякий прспект, есть публичный прспект; то есть: прспект для циркуляции публики (не воздуха, например) ... <...>

Невский Прспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он – европейский прспект; всякий же европейский прспект есть не просто прспект, а (как я уже сказал) прспект европейский, потому что... да...

КАК СООТНОСИТСЯ ДЕЙСТВИЕ ПОВЕСТИ С ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТОПОГРАФИЕЙ?

Повесть очень топографически конкретна. Если предполагать, что начало ее происходит около Гостиного Двора, то Пискарёв следует за «красавицей» по Невскому, через Аничков мост в сторону Литейной перспективы (ныне Литейный проспект) – в тот момент малопрестижной улицы, которая лишь начала благоустраиваться.

³ Иван Иванов с рисунка Василия Садовникова. Аничков дворец. Из серии «Панорама Невского проспекта». 1830 год. ГМИИ имени А. С. Пушкина.

Пирогов же отправляется за блондинкой на Мещанскую улицу, «улицу табачных и мелочных лавок, немцев-ремесленников и чухонских нимф». Имеется в виду Большая Мещанская – нынешняя Казанская. Двойственная репутация улицы приводит к тому, что Пирогов, вероятно, принимает супругу жестянщика за «нимфу» (то есть проститутку), тогда как романтик Пискарев видит в «падшем создании» аристократку.

КАКОВ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ГЕРОЕВ?

Как подчеркивает Гоголь, Пирогов принадлежит к «среднему классу общества» – так же как, к примеру, Поприщин из «Записок сумасшедшего». Однако, в отличие от последнего, он вполне доволен своим положением. Молодость и военная (а не гражданская) служба открывают перед ним определенные перспективы. Он – потомственный дворянин и, в частности, может «монетизировать» это преимущество способом, который у Гоголя прямо разъясняется: браком с дочерью богатого купца (сюжет, запечатленный на картине Федотова «Сватовство майора»). Купцу наличие зятя-дворянина, в свою очередь, давало не только моральные, но и материальные преимущества – возможность покупать населенные имения на имя дочери.

Пирогов «покровительствует» бедняку Пискареву. Сами имена героев – говорящие, указывающие на «плотоядность» и благополучие первого (важная деталь: после пережитого унижения Пирогов утешается, съев два слоеных пирожка) и социальное «ничтожество» второго (чья фамилия ассоциируется с «пескарем» – мелкой рыбешкой – и словом «писк»). Статус художника в России первой половины XIX века был зыбким и неопределенным. Выпускник Академии художеств, как и выпускник университета, имел право на чин X класса (дающий, в свою очередь, право на личное дворянство), но первые десять лет обязан был служить исключительно по своей профессиональной части; так как таких вакансий было мало, возможность реализовать право на чин была весьма ограничена. На практике неслужащий художник находился на полпути между квалифицированным ремесленником и человеком из дворянского общества. Однако возникший в 1820-е годы романтический культ «человека искусства» сыграл художникам на руку и повысил их статус. Среди русских художников первой половины XIX века преобладали представители профессиональных художественных династий (Карл и Александр Брюлловы, Сильвестр Щедрин, Федор Бруни, Александр Иванов), выходцы из социальных низов, вплоть до крепостных, обязанные карьерой личным талантам и удаче (Василий Тропинин), наконец, люди с изначально неопределенным социальным статусом – скажем, внебрачные дети дворян (Орест Кипренский). Тем не менее все больше появлялось художников дворянского происхождения (граф Федор Толстой, барон Петр Клодт, Павел Федотов). О происхождении Пискарева, так или иначе, ничего не сказано, – видимо, он разночинец, не имеющий никаких доходов, кроме скудного профессионального заработка.

НАСКОЛЬКО ПИСКАРЁВ СООТВЕТСТВУЕТ РОМАНТИЧЕСКОМУ СТЕРЕОТИПУ ХУДОЖНИКА?

Художник как человек, чуждый всему низменному и земному, самозабвенно и бескорыстно, часто с трагическим исходом, служащий красоте, – общее место романтизма, в том числе русского. Эти стереотипы восходят к творчеству ранних немецких романтиков, таких как Новалис и Ваккенродер. В позднеромантической литературе они во многом вульгаризировались.

Русские писатели 1820–1840-х годов часто обращались к этим мотивам. В повести Вильгельма Карлгофа «Живописец» (1830) превращение офицера в художника трактуется идиллически, в духе немецкого бидермейера. Напротив, одноименная повесть Николая Поле-

вого, опубликованная в 1833-м, подчеркнуто драматична по сюжету. Если герой Карлгофа – счастливый отец семейства, то удел художника у Полевого – возвышенная спиритуальная (и неразделенная) любовь, вдохновенное свыше творчество и безвременная гибель. Теми же мотивами проникнуты такие повести и пьесы, как «Винченцо и Цецилия» (1828) и «Импровизатор» (1843) Владимира Одоевского, «Торквато Тассо» (1831), «Джулио Мости» (1833) и «Доменикино» (1838) Нестора Кукольника.

Пушкин в «Египетских ночах» противопоставляет этому стереотипу «неправильных» художников: циничного профессионала импровизатора, рассматривающего свое ремесло как средство заработка, и светского дилетанта Чарского, который стыдится своего таланта. Гоголь же как будто воспроизводит стереотип, причем намеренно пользуется при описании Пискарёва преувеличенно экзальтированным языком («Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту чист и непорочен, как девственный юноша, еще дышащий неопределенною духовною потребностью любви. И то, что возбудило бы в развратном человеке дерзкие помышления, то самое, напротив, еще более освятило их») – чтобы через минуту столкнуть героя с вульгарной реальностью. В результате Пискарёв оказывается в конечном счете больше похож на гофмановских чудаков, балансирующих между своими грезами и явью, чем на стандартного позднеромантического «творца». Однако приемы, которыми для создания этого образа пользуется Гоголь, отличаются от гофмановских.

Мазурка. Иллюстрация на обложке The Dilettanti Polka Mazurka. 1850 год⁴

КАК ГОГОЛЬ ОПИСЫВАЕТ ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ?

Повесть Гоголя написана за девять лет до легализации проституции в России (1843). С этого времени женщины, предоставлявшие сексуальные услуги, подлежали особой регистрации и обязательному медицинскому осмотру, дома терпимости действовали официально. В период написания «Невского проспекта» проституция уже не преследовалась полицией, но легального статуса не имела. Прямое описание борделя возможно было лишь в тексте, не предназначенном для печати (пример – «Опасный сосед» Василия Пушкина). Гоголь был обречен на поиск косвенных и завуалированных формул в этом эпизоде.

⁴ Мазурка. Иллюстрация на обложке The Dilettanti Polka Mazurka. 1850 год. The Library of Congress.

Писатель начинает с нейтрального по тону описания:

Три женские фигуры в разных углах представились его глазам. Одна раскладывала карты; другая сидела за фортепианом и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобие старинного полонеза; третья сидела перед зеркалом, расчесывая гребнем свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входе незнакомого лица. Какой-то неприятный беспорядок, который можно встретить только в беспечной комнате холостяка, царствовал во всем. Мебели довольно хорошие были покрыты пылью; паук застилал свою паутиною лепной карниз; сквозь непритворенную дверь другой комнаты блеснул сапог со шпорой и краснела выпушка мундира; громкий мужской голос и женский смех раздавались без всякого принуждения.

В принципе, для читателя-современника этого было достаточно. Но Гоголь предпочитает уточнить суть дела – в той эвфемистической, манерной и жеманной форме, которую допускали требования цензуры: «...он зашел в тот отвратительный приют, где основал свое жилище жалкий разврат, порожденный мишурною образованностию и страшным многолюдством столицы». Теперь уже больше никаких пояснений не требуется, но Гоголь продолжает патетический монолог, доводя до абсурда и явно пародируя жеманство и пафос, к которому вынужден был прибегнуть: «Тот приют, где человек святотатственно подавил и посмеялся над всем чистым и святым, украшающим жизнь, где женщина, эта красавица мира, венец творения, обратилась в какое-то странное, двусмысленное существо, где она вместе с чистотою души лишилась всего женского и отвратительно присвоила себе ухватки и наглости мужчины и уже перестала быть тем слабым, тем прекрасным и так отличным от нас существом».

Для сравнения можно привести устный рассказ Гоголя, зафиксированный писателем Владимиром Соллогубом. Проходя ночью по улице и заглянув в освещенные окна дома, Гоголь стал свидетелем следующей сцены:

...В довольно большой и опрятной комнате с низеньким потолком и яркими занавесками у окон, в углу, перед большим киотом образов, стоял нагой, покрытый потертой парчой; перед нагоем высокий, дородный и уже немолодой священник, в темном подряснике, совершал службу, по-видимому молебствие; худой, заспанный дьячок вяло, по-видимому, подтягивал ему. Позади священника, несколько вправо, стояла, опираясь на спинку кресла, толстая женщина, на вид лет пятидесяти с лишним, одетая в ярко-зеленое шелковое платье и с чепцом, украшенным пестрыми лентами на голове; она держалась сановито и грозно, изредка поглядывая вокруг себя; за нею, большею частью на коленях, расположилось пятнадцать или двадцать женщин, в красных, желтых и розовых платьях, с цветами и перьями в завитых волосах; их щеки рдели таким неприродным румянцем, их наружность так мало соответствовала совершаемому в их присутствии обряду, что я невольно расхохотался и посмотрел на моего приятеля; он только пожал плечами и еще с большим вниманием уставился в окно.

Вдруг калитка подле ворот с шумом растворилась и на пороге показалась толстая женщина, лицом очень похожая на ту, которая в комнате присутствовала на служении.

– А, Прасковья Степановна, здравствуйте! – вскричал мой приятель, поспешно подходя к ней и дружески потрясая ее жирную руку. – Что это у вас происходит?

– А вот, – забасила толстуха, – сестра с барышнями на Нижегородскую ярмарку собирается, так пообещалась для доброго почина молебен отслужить.

Гоголь позволил себе нарушить правила приличия, рассказав в светском салоне при дамах гривуазный анекдот про молебен в публичном доме, поскольку при этом сумел ни разу не назвать вещи своими именами: описание заведения и так делает его легко опознаваемым. Но в «Невском проспекте» он прибегает к более сложной и многослойной стилистической игре.

ЧТО ВИДИТ ПИСКАРЁВ ВО СНЕ?

Очевидно, что оба сна Пискарёва имеют литературное происхождение. В первом сне для этого используется жанр романтической новеллы. Незнакомка, оказавшаяся светской дамой, собирается раскрыть Пискарёву «тайну» о том, почему она оказалась в «презренном кругу». Второй сон – в духе бидермейера: героиня предстает грациозной и невинной сельской красавицей.

Вернувшись к реальности, Пискарёв начинает действовать тоже в соответствии с литературными стереотипами – стереотипами дидактической литературы о «пробуждении к новой жизни» падших созданий. Пример использования такого рода ходов в русской литературе – стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья...» (1845). У Гоголя результат, однако, оказывается обескураживающим: девушка вовсе не хочет быть спасенной.

ПОЧЕМУ РЕМЕСЛЕННИКИ В ПОВЕСТИ – НЕМЦЫ?

С момента основания Петербурга квалифицированные ремесленники из Германии в больших количествах селились в городе. Первоначально немецким районом был Васильевский остров, затем появились новые этнически окрашенные районы, в том числе Мещанская. Не будучи членами мещанских обществ и цехов (хотя временно приписываясь к последним), связанные товарищескими и земляческими отношениями, немецкие ремесленники жили особняком и часто свысока относились к своим русским собратьям. Это нашло отражение в литературе («Гробовщик» Пушкина). У Гоголя высокомерие Шиллера выражается неоднократно, в том числе в невероятно задранный цене за «немецкую работу».

ПОЧЕМУ У ЖЕСТЯНЩИКА ШИЛЛЕРА И САПОЖНИКА ГОФМАНА «ЛИТЕРАТУРНЫЕ» ИМЕНА?

С одной стороны, это связано с тем, что Петербург (и Невский проспект как его средоточие) – место разрушения тождественности, где все кажется не тем, что оно есть. «Знатная дама» и «Перуджинова Бианка» (имеется в виду Богоматерь с фрески Пьетро Перуджино «Поклонение волхвов», написанной в 1504 году для часовни Санта-Мария-деи-Бианки в итальянском Пьеви) – проститутка; женщина, идущая на улицу со скверной репутацией, – жена почтенного человека; однофамильцы великих романтических писателей – грубые мещане. При этом Шиллер и Гофман носят имена именно тех авторов-романтиков, которых мы вспоминаем в связи с личностью Пискарёва. Их, однако, встречает не художник, а его прозаичный друг, которому они оказываются совершенно под стать.

Заметим, что фамилия третьего, лишь один раз упомянутого немца, «столяра Кунца», соответствует фамилии издателя и друга Гофмана и созвучна слову *der Kunst* – искусство.

ЕСТЬ ЛИ В ПОВЕСТИ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛЕМИКА?

С литературной полемикой связан прежде всего следующий фрагмент – о представителях того круга, к которому принадлежал Пирогов:

В высшем классе они попадаются очень редко или, лучше сказать, никогда. Оттуда они совершенно вытеснены тем, что называют в этом обществе аристократами; впрочем, они считаются учеными и воспитанными людьми. Они любят потолковать об литературе; хвалят Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове.

Это непосредственная отсылка к статье Феофилакта Косичкина (псевдоним Пушкина) «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов»^[4]. В этой статье Пушкин высмеивает претензии Фаддея Булгарина и Николая Греча, издателей «Северной пчелы», на статус «серьезных» писателей и саркастически противопоставляет им Александра Орлова (ок. 1787–1840), неприятельного и скромного поставщика лубочного чтива. Для людей круга Пирогова презрение к лубочной словесности – признак их социального и образовательного статуса, но для них нет разницы между квалифицированной коммерческой беллетристикой и Пушкиным. Имя последнего – скорее знак причастности к «высокой» культуре и высшему свету (так же как для Поприщина и Хлестакова).

По мнению литературоведа Владимира Денисова, образы Шиллера и Гофмана могут содержать намек на обыкновение Булгарина и Греча раздавать понравившимся авторам и друг другу такие титулы, как «русский Гете». Еще важнее в этом смысле Мещанская улица – как мы уже упоминали, место расположения борделей. Связь с притонами Мещанской (в девические годы) приписывали жене Булгарина, и этот «компромат» широко использовался в литературной полемике.

Вот, например, завершение «Моей родословной» Пушкина:

*Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.*

ЧТО ДЕЛАЮТ ШИЛЛЕР И ГОФМАН С ПИРОГОВЫМ И ПОЧЕМУ ОН НЕ ПОДАЕТ ЖАЛОБЫ?

В рукописной редакции, воспроизводящейся в некоторых изданиях, прямо сказано, что Пирогов был «очень больно высечен» Шиллером, Гофманом и Кунцем. Пушкин, хваля повесть, писал Гоголю: «Секуцию жаль выпустить: она мне кажется необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось Бог вынесет». Но Гоголь все же опасался, что сцену «секуции» цензура не пропустит, и в итоге в самом деле должен был прибегнуть к эвфемизму: с Пироговым «поступили... так грубо и невежливо, что, признаюсь, я никак не нахожу слов к изображению этого печального события».

Порка воспринималась не только как физическое наказание, но и прежде всего как оскорбление. Дворяне были законодательно освобождены от телесных наказаний с 1785 года (как, кстати, и купцы первой и второй гильдии – поэтому городничий в «Ревизоре» боится наказания за порку «унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством»). Представление о том, что дворянин, подвергшийся телесному наказанию, непоправимо обесчещен,

было характерно для людей самого разного образовательного статуса и морального уровня. Слухи о порке, которой якобы подвергся Пушкин в 1820-м в канцелярии Милорадовича, распущенные Федором Толстым (Американцем) и повторенные (с возмущением и сочувствием к поэту!) Кондратием Рылеевым, заставили Пушкина вызвать обоих на дуэль.

Оскорбление, нанесенное простолюдином, нельзя смыть кровью, и единственной реакцией на него могла быть жалоба в государственные органы. Это и собирается сделать Пирогов, но отказывается от своего намерения – не только из легкомыслия, но и потому, что огласка пережитого унижения могла бы сделать его предметом насмешек и сказаться на его карьере. Он предпочитает оставить оскорбление безнаказанным, причем не воспринимает это драматически.

Невский проспект

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блещит эта улица – красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из блед-

ных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волосы и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! – О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому же он не приятен? Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. Кажется, человек, встреченный на Невском проспекте, менее эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где жадность и корысть, и надобность выражаются на идущих и летящих в каретах и на дрожках. Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель Петербургской или Выборгской части, несколько лет не бывавший у своего приятеля на Песках или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно. Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект. Всемогущий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга! Как чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ног оставило на нем следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, легкий, как дым, башмачок молоденькой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая на нем резкую царяпину, – все вымещает на нем могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими, только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салопах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих. Тогда Невский проспект пуст: плотные содержатели магазинов и их комми еще спят в своих голландских рубашках или мылят свою благородную щеку и пьют кофий; нищие собираются у дверей кондитерских, где сонный ганимед, летавший вчера как муха с шоколадом, вылезает с метлой в руке, без галстука, и швыряет им черствые пироги и объедки. По улицам плетется нужный народ, иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотою, не в состоянии бы был обмыть. В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они, верно, не услышат даже в театре. Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент. Можно сказать решительно, что в это время, то есть до двенадцати часов, Невский проспект не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем. Русский мужик говорит о гривне или о семи грошах меди, старики и старухи размахивают руками или говорят сами с собою, иногда с довольно разительными жестами, но никто их не слушает и не смеется над ними, выключая только разве мальчишек в пестрядевых халатах с пустыми штофами или готовыми сапогами в руках, бегущих молниями по Невскому проспекту. В это время, что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы воротнички слишком далеко высунулись из вашего галстука, – никто этого не заметит.

В двенадцать часов на Невский проспект делают набеги гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностью изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самых магазинах. Гувернантки, бледные миссы и розовые

славянки, идут величаво позади своих легеньких, вертлявых девчонок, приказывая им поднимать несколько выше плечо и держаться прямее; короче сказать, в это время Невский проспект – педагогический Невский проспект. Но чем ближе к двум часам, тем уменьшается число гувернеров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными их родителями, идущими под руку со своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами. Мало-помалу присоединяются к их обществу все, окончившие довольно важные домашние занятия, как-то: поговорившие с своим доктором о погоде и о небольшом прыщике, вскочившем на носу, узнавшие о здоровье лошадей и детей своих, впрочем показывающих большие дарования, прочитавшие афишу и важную статью в газетах о приезжающих и отъезжающих, наконец выпивших чашку кофию и чаю; к ним присоединяются и те, которых завидная судьба наделила благословенным званием чиновников по особенным поручениям. К ним присоединяются и те, которые служат в иностранной коллегии и отличаются благородством своих занятий и привычек. Боже, какие есть прекрасные должности и службы! как они возвышают и услаждают душу! но, увы! я не служу и лишен удовольствия видеть тонкое обращение с собою начальников. Все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками, дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках. Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в черных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие. Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью неизобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, – предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие. Тысячи сортов шляпок, платьев, платков, пестрых, легких, к которым иногда в течение целых двух дней сохраняется привязанность их владельниц, ослепят хоть кого на Невском проспекте. Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над черными жуками мужеского пола. Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми, вы почтительно отойдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем вашим овладеет робость и страх, чтобы как-нибудь от неосторожного даже дыхания вашего не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства. А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина; потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским. Нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринужденно, как на Невском проспекте. Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпица и поднимете ее вверх. Здесь вы встретите разговаривающих о концерте или о погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений. Создатель! какие странные характеры встречаются на Невском проспекте! Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и если вы пройдете, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды. Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. Сначала я думал, что они сапожники, но однако же, ничуть не бывало: они большею частию служат в разных департаментах, многие из них превосходным образом могут

написать отношение из одного казенного места в другое; или же люди, занимающиеся прогулками, чтением газет по кондитерским, – словом, большею частью все порядочные люди. В это благословенное время от двух до трех часов пополудни, которое может назваться движущею столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой – греческий прекрасный нос, третий несет превосходные бакенбарды, четвертая – пару хороших глазок и удивительную шляпку, пятый – перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая – ножку в очаровательном башмачке, седьмой – галстук, возбуждающий удивление, осьмой – усы, повергающие в изумление. Но бьет три часа, и выставка оканчивается, толпа редет... В три часа – новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах. Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии. Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих; в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии.

С четырех часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите на нем хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого понытчика, пущенная по миру во фризовой шинели, какой-нибудь заезжий чудак, которому все часы равны, какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикюлем и книжкою в руках, какой-нибудь артельщик, русский человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородою, живущий всю жизнь на живую нитку, в котором все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда он учтиво проходит по тротуару; иногда низкий ремесленник; больше никого не встретите вы на Невском проспекте.

Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня, тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет. Вы встретите очень много молодых людей, большею частью холостых, в теплых сюртуках и шинелях. В это время чувствуется какая-то цель, или, лучше, что-то похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчетное; шаги всех ускоряются и становятся вообще очень неровны. Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари очень долго прохаживаются; но старые коллежские регистраторы, титулярные и надворные советники большею частью сидят дома, или потому, что это народ женатый, или потому, что им очень хорошо готовят кушанье живущие у них в домах кухарки-немки. Здесь вы встретите почтенных стариков, которые с такой важностью и с таким удивительным благородством прогуливались в два часа по Невскому проспекту. Вы их увидите бегущими так же, как молодые коллежские регистраторы, с тем, чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной дамы, которой толстые губы и щеки, нащекатуренные румянами, так нравятся многим гуляющим, а более всего сидельцам, артельщикам, купцам, всегда в немецких сюртуках гуляющим целою толпою и обыкновенно под руку.

– Стой! – закричал в это время поручик Пирогов, дернув шедшего с ним молодого человека во фраке и плаще. – Видел?

– Видел, чудная, совершенно Перуджинова Бианка.

– Да ты о ком говоришь?

– Об ней, о той, что с темными волосами. И какие глаза! Боже, какие глаза! Все положение, и контура, и оклад лица – чудеса!

– Я говорю тебе о блондинке, что прошла за ней в ту сторону. Что ж ты не идешь за брюнеткою, когда она так тебе понравилась?

– О, как можно! – воскликнул, покрасневшись, молодой человек во фраке. – Как будто она из тех, которые ходят ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знатная дама, – продолжал он, вздохнувши, – один плащ на ней стоит рублей восемьдесят!

– Простак! – закричал Пирогов, насильно толкнувши его в ту сторону, где развеялся яркий плащ ее. – Ступай, простофиля, прозеваешь! а я пойду за блондинкою.

Оба приятеля разошлись.

«Знаем мы вас всех», – думал про себя с самодовольною и самонадеянною улыбкою Пирогов, уверенный, что нет красоты, могшей бы ему противиться.

Молодой человек во фраке и плаще робким и трепетным шагом пошел в ту сторону, где развеялся вдали пестрый плащ, то окидывавшийся ярким блеском по мере приближения к свету фонаря, то мгновенно покрывавшийся тьмою по удалении от него. Сердце его билось, и он невольно ускорял шаг свой. Он не смел и думать о том, чтобы получить какое-нибудь право на внимание улетавшей вдали красавицы, тем более допустить такую черную мысль, о какой намекал ему поручик Пирогов; но ему хотелось только видеть дом, заметить, где имеет жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетело с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит неизвестно куда. Он летел так скоро, что сталкивал беспрестанно с тротуара солидных господ с седыми бакенбардами. Этот молодой человек принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно странное явление и столько же принадлежит к гражданам Петербурга, сколько лицо, являющееся нам в сновидении, принадлежит к существенному миру. Это исключительное сословие очень необыкновенно в том городе, где все или чиновники, или купцы, или мастеровые немцы. Это был художник. Не правда ли, странное явление? Художник петербургский! Художник в земле снегов, художник в стране финнов, где все мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно. Эти художники вовсе не похожи на художников итальянских, гордых, горячих, как Италия и ее небо; напротив того, это большею частию добрый, кроткий народ, застенчивый, беспечный, любящий тихо свое искусство, пьющий чай с двумя приятелями своими в маленькой комнате, скромно толкующий о любимом предмете и вовсе небрегающий об излишнем. Он вечно зазовет к себе какую-нибудь нищую старуху и заставит ее просидеть битых часов шесть, с тем, чтобы перевести на полотно ее жалкую, бесчувственную мину. Он рисует перспективу своей комнаты, в которой является всякий художественный вздор: гипсовые руки и ноги, сделавшиеся кофейными от времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, приятель, играющий на гитаре, стены, запачканные красками, с растворенным окном, сквозь которое мелькает бледная Нева и бедные рыбаки в красных рубашках. У них всегда почти на всем серенький мутный колорит – неизгладимая печать севера. При всем том они с истинным наслаждением трудятся над своею работою. Они часто питают в себе истинный талант, и если бы только дунул на них свежий воздух Италии, он бы, верно, развился так же вольно, широко и ярко, как растение, которое выносят наконец из комнаты на чистый воздух. Они вообще очень робки; звезда и толстый эполет приводят их в такое замешательство, что они невольно понижают цену своих произведений. Они любят иногда пощеголять, но щегольство это всегда кажется на них слишком резким и несколько походит на заплату. На них встретите вы иногда отличный фрак и запачканный плащ, дорогой бархатный жилет и сюртук весь в красках. Таким же самым образом, как на неоконченном их пейзаже, увидите вы иногда нарисованную вниз головою нимфу, которую он, не найдя другого места, набросал на запачканном грунте прежнего своего произведения, когда-то писанного им с наслаждением. Он никогда не глядит вам прямо в глаза; если же глядит, то как-то мутно, неопределенно; он не вонзает в вас ястребиного взора наблюдателя или соколиного взгляда

кавалерийского офицера. Это происходит оттого, что он в одно и то же время видит и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсового Геркулеса, стоящего в его комнате, или ему представляется его же собственная картина, которую он еще думает произвести. От этого он отвечает часто несвязно, иногда невпопад, и мешающиеся в его голове предметы еще более увеличивают его робость. К такому роду принадлежал описанный нами молодой человек, художник Пискарев, застенчивый, робкий, но в душе своей носивший искры чувства, готовые при удобном случае превратиться в пламя. С тайным трепетом спешил он за своим предметом, так сильно его поразившим, и, казалось, дивился сам своей дерзости. Незнакомое существо, к которому так прильнули его глаза, мысли и чувства, вдруг поворотило голову и взглянуло на него. Боже, какие божественные черты! Ослепительной белизны прелестнейший лоб осенен был прекрасными, как агат, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть их, падая из-под шляпки, касалась щеки, тронутой тонким свежим румянцем, проступившим от вечернего холода. Уста были замкнуты целым роем прелестнейших грез. Все, что остается от воспоминания о детстве, что дает мечтание и тихое вдохновение при светящейся лампаде, – все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось в ее гармонических устах. Она взглянула на Пискарева, и при этом взгляде затрепетало его сердце; она взглянула сурово, чувство негодования проступило у ней на лице при виде такого наглого преследования; но на этом прекрасном лице и самый гнев был обворожителен. Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза; но как потерять это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить? Такие мысли пришли в голову молодому мечтателю, и он решился преследовать. Но, чтобы не дать этого заметить, он отдалился на дальнейшее расстояние, беспечно глядел по сторонам и рассматривал вывески, а между тем не упускал из виду ни одного шага незнакомки. Проходящие реже начали мелькать, улица становилась тише; красавица оглянулась, и ему показалось, как будто легкая улыбка сверкнула на губах ее. Он весь задрожал и не верил своим глазам. Нет, это фонарь обманчивым светом своим выразил на лице ее подобие улыбки; нет, это собственные мечты смеются над ним. Но дыхание занялось в его груди, все в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства его горели, и все перед ним окинулось каким-то туманом. Тротуар несея под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу, и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз. И все это произвел один взгляд, один поворот хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, он несея по легким следам прекрасных ножек, стараясь сам умерить быстроту своего шага, летевшего под такт сердца. Иногда овладевало им сомнение: точно ли выражение лица ее было так благосклонно, – и тогда он на минуту останавливался, но сердечное биение, непреодолимая сила и тревога всех чувств стремилась его вперед. Он даже не заметил, как вдруг возвысился перед ним четырехэтажный дом, все четыре ряда окон, светившиеся огнем, глянули на него разом, и перила у подъезда противопоставили ему железный толчок свой. Он видел, как незнакомка летела по лестнице, оглянулась, положила на губы палец и дала знак следовать за собою. Колени его дрожали; чувства, мысли горели; молния радости нестерпимым острием вонзилась в его сердце. Нет, это уже не мечта! Боже! столько счастья в один миг! такая чудесная жизнь в двух минутах!

Но не во сне ли это все? ужели та, за один небесный взгляд которой он готов бы был отдать всю жизнь, приблизиться к жилищу которой уже он почитал за неизъяснимое блаженство, ужели та была сейчас так благосклонна и внимательна к нему? Он взлетел на лестницу. Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту чист и непорочен, как девственный юноша, еще дышащий неопределенною духовною потребностью любви. И то, что возбудило бы в развратном человеке дерзкие помышления, то самое, напротив, еще более освятило их. Это доверие, которое оказало ему слабое прекрасное существо, это доверие наложило на него обет строгости рыцарской, обет

рабски исполнять все повеления ее. Он только желал, чтоб эти веления были как можно более трудны и неудобноисполняемы, чтобы с бóльшим напряжением сил лететь преодолевать их. Он не сомневался, что какое-нибудь тайное и вместе важное происшествие заставило незнакомку ему ввериться; что от него, верно, будут требоваться значительные услуги, и он чувствовал уже в себе силу и решимость на все.

Лестница вилась и вместе с нею вились его быстрые мечты. «Идите осторожнее!» – зазвучал, как арфа, голос и наполнил все жилы его новым трепетом. В темной вышине четвертого этажа незнакомка постучала в дверь, – она отворилась, и они вошли вместе. Женщина довольно недурной наружности встретила их со свечою в руке, но так странно и нагло посмотрела на Пискарёва, что он опустил невольно свои глаза. Они вошли в комнату. Три женские фигуры в разных углах представились его глазам. Одна раскладывала карты; другая сидела за фортепианом и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобие старинного полонеза; третья сидела перед зеркалом, расчесывая гребнем свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входе незнакомого лица. Какой-то неприятный беспорядок, который можно встретить только в беспечной комнате холостяка, царствовал во всем. Мебели довольно хорошие были покрыты пылью; паук застилал своею паутиною лепной карниз; сквозь непритворенную дверь другой комнаты блестел сапог со шпорой и краснела выпушка мундира; громкий мужской голос и женский смех раздавались без всякого принуждения.

Боже, куда зашел он! Сначала он не хотел верить и начал пристальнее всматриваться в предметы, наполнявшие комнату; но голые стены и окна без занавес не показывали никакого присутствия заботливой хозяйки; изношенные лица этих жалких созданий, из которых одна села почти перед его носом и так же спокойно его рассматривала, как пятно на чужом платье, – все это уверило его, что он зашел в тот отвратительный приют, где основал свое жилище жалкий разврат, порожденный мишурною образованностью и страшным многолюдством столицы. Тот приют, где человек святотатственно подавил и посмеялся над всем чистым и святым, украшающим жизнь, где женщина, эта красавица мира, венец творения, обратилась в какое-то странное, двусмысленное существо, где она вместе с чистотою души лишилась всего женского и отвратительно присвоила себе хватки и наглости мужчины и уже перестала быть тем слабым, тем прекрасным и так отличным от нас существом. Пискарёв мерил ее с ног до головы изумленными глазами, как бы еще желая увериться, та ли это, которая так околдовала и унесла его на Невском проспекте. Но она стояла перед ним так же хороша; волосы ее были так же прекрасны; глаза ее казались все еще небесными. Она была свежа; ей было только 17 лет; видно было, что еще недавно достигнул ее ужасный разврат; он еще не смел коснуться к ее щекам, они были свежи и легко оттенены тонким румянцем, – она была прекрасна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977.

2.

Телескоп. 1835. Ч. XXVI. № 7–8.

3.

Библиотека для чтения. 1835. Т. IX. Отд. VI.

4.

Телескоп. 1831. № 13.